

МАКСИМ ЩАВЛИНСКИЙ
(Москва / Санкт-Петербург)

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И КОЛОНИАЛЬНОГО ДИСКУРСОВ

*Текстология очерка «Тень птицы» И. А. Бунина**

Книга И. А. Бунина «Храм Солнца», по общему мнению исследователей, интерпретируется как аколониальная и анациональная. Исследователи обращают внимание, что текст Бунина не похож на традиционные русские травелоги эпохи о Востоке, где обязательно присутствует классическая оппозиция ориенталистской бинарности: (правильный, сильный, культурный) *Я* против (слабого, некультурного, варварского) *Другого*. Однако это мнение связано с тем, что исследователи читали и интерпретировали последнюю редакцию «Храма Солнца» 1936 г. (позднее эта версия текста переиздавалась во всех советских и постсоветских собраниях сочинений Бунина). При сравнении дореволюционных (1915, 1917) и эмигрантских (1931, 1936) изданий книги становится очевидно, что данное мнение ошибочно и современники Бунина читали иной — содержащий антинациональный и колониальный дискурсы — текст, а в эмигрантских редакциях огромная часть текста вычеркнута или переписана. В статье подробно проанализированы характер и отличительные черты текстологической правки книги «Храм Солнца» на примере очерка «Тень Птицы».

Ключевые слова: И. А. Бунин, «Храм Солнца», «Тень Птицы», национальное, колониальное, дискурс.

Информация об авторе: Максим Станиславович Щавлинский, аспирант и младший научный сотрудник ИМЛИ РАН, Москва; библиограф I категории ЦГПБ им. В. В. Маяковского, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

Disappearance of national and colonial discourses

Textual criticism of the essay «Shadow of the Bird»

by I. A. Bunin

The book of I. A. Bunin's «Temple of the Sun», according to the general opinion of researchers, is interpreted as a colonial

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-41004 «И. А. Бунин и Палестина».

and anational. Researchers note that Bunin's text is not similar to the traditional Russian travelogues of the era about the East, where there is always a classical opposition to the Oriental binary: (correct, strong, cultured) *I* vs. (weak, uncultured, barbaric) *Other*. However, this opinion is due to the fact that the researchers read and interpreted the latest edition of the «Temple of the Sun» in 1936 (later, this version of the text was reprinted in all Soviet and post-Soviet Bunin's collected works). When comparing pre-revolutionary (1915, 1917) and emigrant (1931, 1936) editions of the book, it becomes obvious that this opinion is erroneous and Bunin's contemporaries read a different text containing anti-national and colonial discourses, and in the emigre editions a huge part of the text was deleted or rewritten on the example of the essay «Shadow of a Bird».

Key words: I. A. Bunin, «Temple of the Sun», «Shadow of the Bird», national, colonial, discourse.

About the author: Maksim Shavlinsky, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Vladimir Mayakovsky Central City Public Library (St. Petersburg). Junior Researcher, Post-graduate student; bibliographer of the 1-st category.

E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

DOI 10.48612/sum-2022-18-3-4-355-375

Книга И. А. Бунина «Храма Солнца»¹ множество раз становилась предметом исследования в рамках постколониальной критики: К. В. Анисимов,² Т. Н. Голицына,³ Г. В. Килга-

¹ Во избежание путаницы стоит сразу оговориться о названии книги. На данный момент (со времен первых советских изданий бунинских текстов и собраний сочинений по настоящее время) устоявшимся названием считается «Тень Птицы» (первый очерк имеет такое же название). Однако мы называем книгу Бунина «Храм Солнца»: такое заглавие кажется нам текстологически более верным и так книга была названа в рамках первого научного издания. Подробнее об эдичионном вопросе см.: Пономарев Е. Р. «Храм солнца» или «Тень птицы»? Поэтика «путевых поэм» И. А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.

² Анисимов К. В. «Итинерарий жизни». Восточные травелоги И. А. Бунина: специфика авторского сознания и нарратива // Россия — Италия — Германия: литература путешествий: коллектив. моногр. Томск, 2013. С. 466–484.

³ Голицына Т. Н. Текстовые особенности ориентальных рассказов И. А. Бунина // И. А. Бунин и русская культура XIX–XX веков. Тезисы международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения писателя. Воронеж, 1995. С. 82–83.

нова,¹ Н. И. Лишова,² Т. Гроб,³ Л. С. Кислова,⁴ З. А. Шагаева.⁵ В целом, исследователи склонны считать, что текст Бунина антиколониалистичен, что Восток его интересует как историко-культурное пространство и именно это привлекает исследователей, т. к. текст Бунина нетипичен, не строится на известной ориенталистской бинарности: (правильный, сильный, культурный) *Я* против (слабого, некультурного, варварского) *Другого*.

В антиколониальном и антикапиталистическом дискурсах Бунин схож с официальной риторикой Советского Союза, и именно поэтому С. Л. Гольдин в своей «идеологически правильной» статье исследует бунинский Восток как общую точку соприкосновения. Гольдин заканчивает статью такими словами: «Путь Бунина был чрезвычайно противоречив и сложен. Все враждебное нам мы в нем осуждаем. Однако мы не отбрасываем то правдивое, ценное, что было в творчестве крупного русского писателя, которого ценил А. М. Горький».⁶ Ему в какой-то степени вторит современный и не ангажированный исследователь Т. Гроб, который заключает, что у Бунина вряд ли можно наблюдать колониальное отношение к Востоку.⁷ Об этом же говорит К. В. Анисимов,

¹ *Килганова Г. В.* Ориентализм в прозе И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

² *Лишова Н. И.* Ориентализм в творчестве писателей серебряного века (на материале произведений И. А. Бунина и М. М. Пришвина) // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 1(18). С. 30–33.

³ *Grob T.* Orientalismus jenseits des Nationalen. Ivan Bunins Reiseerzählungen als Spur imperialer Raumerfahrung // Susi. K. Frank (Hg): *Erzählte Mobilität im östlichen Europa*. Tübingen, 2014. S. 222–243.

⁴ *Kislova L. S., Ertner D. E.* The Revival of the Genre: Key Trends in the Contemporary Travelogue Development // Филологический класс. 2019. № 3(57). С. 127–133.

⁵ *Shagayeva Z. A.* Bunins Pilgrimage in countries of the east: traveling as a basis for the formation of religious and philosophical views of the writer // The First European International conference on collaboration in academic researches between Kazakhstan and European countries. Vienna, 2015. P. 32–37.

⁶ *Гольдин С. Л.* Антиколониаторская тема в творчестве И. А. Бунина // Ученые записки Орехово-Зуевского пед. ин-та. Орехово-Зуево, 1964. Т. 21. Кафедра русской и зарубежной литературы. Вып. 4. С. 20.

⁷ *Grob T.* Orientalismus jenseits des Nationalen. Ivan Bunins Reiseerzählungen als Spur imperialer Raumerfahrung. S. 241.

а также добавляет, что: «в самих травелогах <...> Запад и Восток не только не противопоставлены, но <...> прихотливо переплетены и примерены в пространстве памяти героя».¹

Однако существует большая разница между доэмигрантскими и эмигрантскими изданиями. Например, в издании 1917 года Бунин открыто декларирует своё желание описать для русского читателя «подлинную Турцию»:

Не сразу и заметишь среди вилл, дворцов и садов подлинную Турцию — эти узкие и высокие деревянные домики с черепично-оранжевыми крышами под зелеными тополями и синими кипарисами, домики, столь потемневшие от времени.²

В эмигрантских изданиях этот пассаж снят, однако пафос писателя-европейца, желающего показать ту самую «подлинность», безусловно, остается. Единственный эпизод, который выносится на обсуждение исследователями с отрицательным и антинациональным знаками, это так не понравившийся еще современникам³ пассаж Бунина про Россию:

...с радостью вспоминаешь, что Россия за триста миль от тебя. Ах, никогда-то я не чувствовал любви к ней и, верно, так и не пойму, что такое любовь к родине, ко-

¹ *Анисимов К. В.* «Итинерарий жизни». Восточные травелоги И. А. Бунина: специфика авторского сознания и нарратива С. 469–470. См. также: *Анисимов К. В., Пономарев Е. Р.* Текстология и имагология. Как мелкая правка травелога «Храм Солнца» меняла бунинскую концепцию Ближнего Востока: от описания к представлению // Имагология и компаративистика (в печати).

² *Бунин И. А.* Храм солнца. Петроград, 1917. С. 47. Мы преимущественно будем ссылаться на это издание как на образец последнего доэмигрантского издания. Далее ссылки на этот источник будет даваться в тексте (ХС 1917) с указанием страницы.

³ «Почему лучшие русские поэты отвернулись от России? Пускай в бегах вся корпорация символистов с Бальмонтом во главе — у этих господ прогрессивный паралич чувства родины. Но почему кажет спину Иван Бунин, доморощенный поэт по преимуществу? Какая злая муха укусила простодушного деревенского мечтателя, что заметался он по белу свету, что променял родное очарование Орловской губернии на чуждые красоты специфического Востока?» (*Бурнакин А.* Литературные заметки. Начало конца // Новое время. 1910. № 12377. 27 авг. С. 4). Не понравилось это и другим критикам, см.: *Мережковский Д. С.* Асфодели и ромашки // Речь. 1908. № 71. 23 марта. С. 3; *Чуковский К.* Смерть, красота и любовь в творчестве И. А. Бунина // Нива. 1914. № 49 (дек.). С. 947–950.

торая будто бы присуща всякому человеческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно любить тот или иной уклад жизни, что можно отдать все силы на созидание его... Но при чем тут родина? Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская, я могу только сожалеть об этом. И воистину благословенно каждое мгновение, когда мы чувствуем себя гражданами вселенной! И трижды благословенно море, в котором чувствуешь только одну власть — власть Нептуна (ХС 1917, 41).

Этого пассажа нет в эмигрантских изданиях. Более того, это пример редкой цитаты, вошедшей в раздел «Из ранних редакций», который А. К. Бабореко включил в 9-ти томное издание (1965–1967).¹ Исследователи, как правило, всегда указывают на последующее исключение этого фрагмента. Это связывают с тем, что Бунин-эмигрант просто не мог позволить себе такие неполиткорректные высказывания, будучи первым русским писателем эмиграции. Мы согласны с этой точкой зрения. Однако нам кажется, что исследователи упускают то, как «изъятые» фрагменты вписывались в общую поэтику текста и с какими иными его фрагментами вступали в диалог. Следовательно, упускается и то, как видоизменившийся текст реинтерпретируется. Задача нашей статьи состоит в том, чтобы вернуть травелог Бунина в среду времени его создания (1900–1910-е годы) и посмотреть, как на уровне поэтики и смыслов он считывался современной читательской аудиторией. В работе мы рассмотрим первый очерк книги — «Тень Птицы». Он представляется нам «программным», описывающим основные установки поэтики текста, которые можно «наложить» на иные очерки книги. Для начала обратимся к истории текста.

* * *

В 1900–1910-е годах Бунин много путешествовал, в том числе на Восток; побывал в Турции, Египте, Сирии и Палестине, позднее на Цейлоне, после чего начал писать очерки из будущей книги «Храм Солнца» (первая полная публикация — 1915 год). Сначала очерки печатались

¹ Бабореко А. К. Примечания // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 3: Повести и рассказы 1907–1911. С. 313–411, 483–501.

и перепечатывались отдельно в газетах, журналах и сборниках, начиная с 1908 года. Текстология отдельных и совместных публикаций очерков и книги в целом позволяет четко разделить публикации на два корпуса текстов: опубликованные в России (1908–1917) и в эмиграции (1925–1936).¹

В 1908–1912 годах был опубликован первый и основной корпус текстов: «Тень птицы»,² «Зодиакальный свет»,³ «Море богов»,⁴ «Пустыня дьявола»,⁵ «Храм солнца»,⁶ «Иудея»⁷ (позже некоторые главы из «Иудей» стали самостоятельными очерками: «Камень» и «Шеол»), «Мертвое море»,⁸ (позднее очерк публиковался под заглавием «Страна содомская»). В 1912 году Бунин написал последний очерк из «Тени Птицы» в доэмигрантском периоде творчества — «Геннисарет».⁹

Впервые очерки были опубликованы как единое целое под названием одного из очерков «Храм солнца» в 1915 году в составе 4 тома шеститомного собрания сочинений Бунина, вышедшего в издательстве А. Ф. Маркса.¹⁰ В 1917 году

¹ Подробнее об истории публикаций и текстологии см.: *Щавлинский М. С.* История публикации книги И. А. Бунина «Храм Солнца» // Сб. науч. ст. по результатам международной научной конференции «Бунинские чтения» (Елец, 20–21 октября 2022 г.). Елец, 2022. С. 106–113; *Анисимов К. В., Пономарев Е. Р.* Книга очерков И. А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология (в печати).

² *Бунин И. А.* Тень птицы // Земля: Альманах. М., 1908. Сб. 1. С. 229–272.

³ *Бунин И. А.* Зодиакальный свет // Слово: Литературно-художественные сборники. М., 1908. Кн. 1. С. 13–39.

⁴ *Бунин И. А.* Море богов // Северное сияние. 1908. № 1. Ноябрь. С. 31–46.

⁵ *Бунин И. А.* Пустыня дьявола // Русское слово. 1909. № 296. 25 дек. С. 3.

⁶ *Бунин И. А.* Храм солнца // Современный мир. 1909. № 12. С. 33–42.

⁷ *Бунин И. А.* Иудея // Друкарь: Лит. сб. / Под ред. Н. Д. Телешова. М., 1910. С. 41–69.

⁸ *Бунин И. А.* Мертвое море // Русское слово. 1911. № 158. 10 июля. С. 3.

⁹ *Бунин И. А.* Геннисарет // Русское слово (Москва). 1912. № 297. 25 дек. С. 4.

¹⁰ *Бунин И. А.* Храм Солнца // Полн. собр. соч. Пг., 1915. Т. 4. С. 100–220; далее ссылка на этот источник дается в скобках (ХС 1915) с указанием страницы.

выходит книга «Храм солнца» (ХС 1917) с 18 рисунками в тексте и сборник дополняется 19 «восточными» стихами.

Бунин возвращается к очеркам в середине 20-х — начале 30-х годов, изменяет некоторые из них, пишет новые, а после снова перепечатывает. В 1925 году появляется очерк «Город царя царей».¹ Затем в 1927 году Бунин перерабатывает очерк «Геннисарет» и публикует его под заглавием «Христово озеро».²

В 1931 году Бунин вновь публикует книгу очерков отдельным изданием и впервые дает ей заглавие «Тень птицы».³ В книгу, кроме вышеупомянутых очерков, включен очерк «Шеол» (изначально 6 глава «Иудеи»), а очерку «Христово озеро» возвращается заглавие «Геннисарет».

В 1932 году появляется и отдельно печатается ещё один очерк — «Дельта».⁴ Он состоит из переработанных в одно произведение концовки очерка «Море богов» и начала очерка «Свет Зодиака». На этом завершается история газетных/журнальных публикаций очерков из сборника «Тень Птицы».

Последняя прижизненная публикация «путевых поэм» была в 1936 году. Бунин вернул заглавие «Храм Солнца» (так же озаглавлен том книги — в этом издании тома имели самостоятельные названия). Стихи даны отдельным блоком.⁵ В советских многотомниках Бунина воспроизводился текст по изданию 1936 г., в них книга имела название «Тень Птицы».⁶

¹ Бунин И. А. Город царя царей // Руль (Берлин). 1925. № 1284. 22 фев.; № 1285. 24 февр. С. 2–3.

² Бунин И. А. Христово озеро // Возрождение. 1927. № 691. 24 апр. С. 3.

³ Бунин И. А. Тень Птицы: Рассказы 1907–1911 гг. Париж, 1931; далее ссылка на этот источник дается в скобках (ТП 1931) с указанием страницы.

⁴ Бунин И. А. Дельта // Последние новости. 1932. № 4085. 29 мая. С. 3.

⁵ Бунин И. А. Храм Солнца // Собр. соч. Берлин, 1936. Т. 1. С. 169–308; далее ссылка на этот источник будет даваться в скобках (ХС 1936) с указанием страницы.

⁶ Список переизданий см: Шавлинский М. С. Библиография рецензий и научных работ о книге И. А. Бунина «Храм Солнца / Тень Птицы» // И. А. Бунин и его время: Контексты судьбы — история творчества / Ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. М., 2021. С. 997–1000.

* * *

Краткая текстологическая справка призвана наглядно продемонстрировать длительность «жизни» текста. Неоднократное переписывание текста, исключение и добавление фрагментов сильно отдалили текст от изначального замысла в пользу конечного результата. Однако с момента создания первых очерков (1908) и до выхода каноничного текста (1936) литературным фактом являлись издания 1915 и 1917 годов, читающая публика России 1900-1910-х годов XX века знала именно эти варианты текста, а не тексты 1931 и 1936 года.

Советское литературоведение закрепило «отчуждение» первых вариантов текста в угоду сначала просьбе Бунина, изложенной в предисловии к первому тому собраний сочинений «Петрополиса»: «Я очень прошу читателей, критиков и переводчиков пользоваться этим текстом» [ХС 1936, 7], а затем и в угоду «литературному завещанию» писателя. В изученных нами работах о «Храме Солнца» исследователи преимущественно работают с переизданиями именно этого варианта текста. Таким образом, важно отметить, что в исследованиях игнорируются динамика текста и та огромная разница, которая есть между доэмигрантскими и эмигрантскими изданиями. Только в последних работах¹ можно встретить обращение к первым изданиям отдельных очерков и книг.

Так, например, К. В. Анисимов, анализируя мотив отплытия из России у Бунина, приводит цитаты по изданию 1915 года (в эмигрантских изданиях они исключены автором): «Читатель открывающего цикл очерка „Тень птицы“ помнит, что его герой, оказавшись уже „за триста миль“ от России (ХС 1915, 173), на самом подходе к Стамбулу, наблюдает странное присутствие совершенно „русских“ деталей на борту парохода, порвавшего, казалось бы, уже „всякую связь с землёю“ (ХС 1915, 172). Наставленные друг на друга клетки с „мирно переговаривающимися курами“, вид-

¹ Пономарев Е. Р. «Храм солнца» или «Тень птицы»? Поэтика «путевых поэм» И. А. Бунина; Анисимов К. В. «Литературность» травелога: границы родины и границы жанра (мотив отплытия из России у Бунина, Гумилева и других) // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 81–97.

неющиеся из трюма „крупы лошадей и дымчатых быков“, „по-деревенски“ пахнущие „стойлом, прелым сеном“ (ХС 1915, 174)».¹ По мнению исследователя: «Исходная посылка путешественника, вдруг решившего заговорить о своём равнодушии к России, диссонирует с общим контекстом не только идеологически, но в первую очередь художественно».²

Любопытным нам кажется поговорить и о мотиве прибытия в «Другое» пространство. Хоть Бунин и описывает Стамбул как знакомое место, где «проводник» ему «не нужен» (ХС 1917, 50), тем не менее, начинается он с не очень лестной орнитологической метафоры:

А возле парохода яростно дерутся из-за сора розовые от заката чайки, качают красные круги баканов и сотни лодок, наполненных грязными фесками и узорчатыми чалмами, полосатыми фуфайками и черными пиджаками, рясами католическими и православными... Все глаза и головы подняты на нас, кверху, — и вдруг сотни рук кидаются к опустившемуся трапу, и начинается нечто еще более яростное, чем драка чаек... (ХС 1917, 41)

Дерущиеся из-за сора чайки кажутся Бунину менее дикими, чем встречающие корабль люди. И это не единственный случай своеобразного «зооморфизма»: «целый базар четок, которыми, сидя на коврах, торгуют старые-престарые обезьяны в тюрбанах» (ХС 1917, 67). Эти цитаты не исключены и присутствуют во всех изданиях, но обходятся исследователями стороной и назвать их «антиколониальными» никак нельзя. Однако считаются они совсем по-разному. Если по изданию 1936 года это действительно можно расценить как обвинение турок в «дикарстве», то в издании 1917 года это нивелируется общим отвращением как к русским, так и к туркам.

Русские паломники и путешественники для Бунина так же невежественны: «неуклюжей толпой проходят лохматые русские, наступающие всем на ноги» (ХС 1917, 56), в подворье, где «молодой монах» говорит на «том противном русском языке, который почти сплошь состоит из

¹ См.: Анисимов К. В. «Литературность» травелога. С. 86.

² Там же. С. 88.

уменьшительных и ласкательных имен» (ХС 1917, 54–55), «охватывает знакомый русский запах — плесени и сырости». Бунин занимает позицию космополита, для которого что турок, что русский — все едино (ср.: «Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская, я могу только сожалеть об этом» (ХС 1917, 41). Такое отчуждение своего национального подчеркивается не только негативной оценкой всего русского, что встречает рассказчик, но и акцентированным отчуждением от русского языка («на том противном русском языке»). Русский язык становится в ряд других национальных языков, которые слышит рассказчик (французский, английский, греческий, арабский) и на которых говорит сам: «радостно кричу ему по-русски, по-гречески, по-арабски» / — Герасиме! Добрый вечер! Каллиспера! Меса бель хайр!» (ХС 1917, 50).

Бунин идет дальше и размывает строгость культурной идентификации:

Потом гляжу на приземистый абрис Софии, в котором есть что-то непередаваемо-древнее, как в куполе синагоги. Вижу, возле нее, среди запущенного серальского сада, на берегу стамбульского мыса, остатки древних стен Византии и дворца Константина...

— Возвышается София над городом, как корабль на якоре! — говорили когда-то.

Теперь она осела, затерялась среди новых мечетей. Издалека она кажется даже небольшою. Не велик и дворец. Он из серого камня, прост, груб, как крепостная тюрьма, крыша на нем без выступа, окошечки узкие, высоко пробитые... И как чужд он всему — он и София — даже здесь, в старом Стамбуле! (ХС 1917, 49)

Писатель описывает архитектурные формы изначально христианского храма, который на момент путешествия уже давно является мусульманским, через сравнение с синагогой. Кроме того, Аяя-София — визитная карточка Ислама и архитектурный образец будущих мусульманских мечетей — «затерялась среди новых мечетей». При этом Аяя-София и дворец Константина считаются как рудимент Константинополя и представляются инородными «даже <...> в старом Стамбуле». Для Бунина это Авраамический символ, и такой «синкретизм» религий вписывается в его космопо-

литическую логику.¹ В таком же ключе Бунин снимает традиционную критику со стороны христианских паломников в адрес ислама:

Не знаю путешественника, не укорившего турок за то, что они оголили храм, лишили его изваяний, картин, мозаик. И особенно грубы в своих укорах путешественники русские.

— Я победил тебя, Соломон! — с восторгом вспоминает один слова тщеславного Юстиниана, этого варвара, загромоздившего дивное создание зодчего золотом и серебром.

— Нет таковой красоты и славы нигде на земле! — повторяет другой слова киевских мужиков, послев Владимира.

И все в один голос клянут турок, осквернивших великую и несравненную святыню христиан.

Но, во имя Бога милостивого и милосердного, зачем же приводить тогда слова летописцев, изображавших свирепое нашествие на Софию «христовых воинов» четвертого крестового похода, — воинов, разбивавших раки угодников и гробницы императоров, сдиравших одежды с трупов и мантии с мощей, топтавших в азарте грабежа образы, разливавших из потиров Кровь Христову, вводявших в алтари лошадей и мулов, «кои, пугаясь блестящего пола, падали и оскверняли его калом!»! Зачем вспоминать христиан варварски-пышной, содомски-развратной и люто-жестокой в убийствах и вероломстве Византии! Ее императоров, увешанных золотом, парчей и самоцветами, — идолов, которые почитали себя, при всей своей мерзости, воплощениями Христа и требовали, чтобы пред ними совершали богослужения! Ее город — «скинию Всевышнего» — вмещавший, по словам тех же летописцев, сброд со всех концов мира и все пороки человеческие! (ХС 1917, 62–63)

Жестокость и варварство христиан и мусульман для Бунина уравниваются, что опять же ведет к синкретизму. (В эмигрантских изданиях все примеры христианского варварства отсутствуют). Бунин полностью переиначивает традиционное для русского путешественника (и читателя) восприятие Айя-Софии. Внешне это инородное тело даже для старого Стамбула, след христианского Константинополя, а не классический исламский храм; внутренне же Бунин предлагает увидеть прекрасное в отрицании христианской природы

¹ См. подробнее: *Щавлинский М. С.* «Храм Солнца» И. А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // Иван Бунин и его время: Контексты судьбы — история творчества. М., 2021. С. 945–947.

собора, — в замазывании фресок, в наготe Софии — когда как русские (шире — христианские) путешественники открывают исламское в ней:

Турецкая простота, нагота Софии возвращает меня к началу Ислама, рожденного в пустыне и уже потом изукрашенного мавританской роскошью. Я знаю цену кружевному мавританскому зодчеству, арабескам и письму, узорчатая вязь которого зачастую не только письма, а и произведение великого мастерства. Но, к счастью, ничего этого нет в Софии (ХС 1917, 63–64).

Значимость и важность Востока и его культурного наследия, по Бунину, не понимает почти никто, начиная жителями и правителями Востока и заканчивая французскими колонистами и русскими губернаторами:

Но я уже давно знаю, что и Змеиная Колонна не избежала рук доблестных завоевателей, упорно задающих человечеству работу Сизифа: Константин перетащил колонну на Ипподром, а Магомет сбил палицей головы змеям... совсем как тот французский генерал, который приказал выпалить из пушки по профилю сфинкса возле Великой пирамиды, или смоленский губернатор, отдавший мраморный саркофаг великого князя Давида на ясли в пожарную команду! (ХС 1917, 66)

* * *

Помимо устоявшегося взгляда на антиколониальность бунинского травелога среди исследователей сложился консенсус относительно понимания хронотопа и философского пафоса текста.¹ Например А. Л. Латухина полагает, что «в пространственно-временной структуре цикла выделяются три уровня: мифопоэтический хронотоп, историко-культурный хронотоп, соответствующий „эпическому прошлому“, и хронотоп героя — „незавершенное настоящее“ (пространство и время путешествия), связующим элементом в этой структуре является жанрообразующий мотив пути».² Н. В. Праще-

¹ Полный перечень работ, в которых транслируются эти тезисы см.: *Щавлинский М. С.* Библиография рецензий и научных работ о книге И. А. Бунина «Храм Солнца / Тень Птицы» С. 968–1001. Здесь приводим несколько наиболее показательных тезисов из работ исследователей.

² *Латухина А. Л.* Цикл «путевых поэм» И. А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2004. С. 8.

рук помимо пространственно-временных категорий исследует «Храм Солнца» как философский текст. Исследовательница подходит к тексту с точки зрения феноменологии и полагает, что главная задача Бунина формулируется как переход из временного в вечное в «правильном» (вневременном) пространстве, что «„выход“ из истории, драгоценное приобщение к бесконечности достигается усилиями памяти».¹ Такое понимание пространственно-временной структуры и определение «философской» сверхзадачи текста кажется нам правильным, однако мы полагаем, что обращение к дореволюционным изданиям позволяет не только нагляднее артикулировать высказанные точки зрения, но и предложить принципиально иную, ранее игнорируемую категорию времени — будущее. И, как нам кажется, именно в этой бинарности (прошлое vs. будущее) изначально описывался образ Востока.

Для начала обратимся к тому, как представляет рассказчик цель своего путешествия на Восток:

Через несколько часов я опять увижу святую Софию. Через несколько дней я буду в Греции; потом на Ниле, близ Сфинкса, видевшего лицо Моисея, — и пойду через страну Авраама и Сарры — к Баальбеку, к руинам капища, воздвигнутого самим Каином «в гордости и безумии»... Всякий дальний путь — таинство: он приобщает душу бесконечности времени и пространства. А там — колыбель человечества. И я пойду к выходу из капища истории, — из руин, древнейших в мире, загляну в туманно-голубую бездну Мифа (ХС 1917, 44).

Через несколько дней я буду в Греции. Потом на Ниле, близ Сфинкса... И пойду к Баальбеку, к руинам капища, «воздвигнутого самим Каином в гордости и безумии»... (ХС 1936, 175)

Рассказчик действительно видит в Востоке колыбель человечества и направляется к «выходу из капища истории». Это желание занять внеисторическую позицию воспринимается нами в том же ключе, что и желание занять позицию

¹ Пращерук Н. В. Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. С. 16.

наднациональную. Рассказчик стремится преодолеть все известные ему условности: идеологию, историю, язык. Особенно четко эти задачи подчеркиваются в доэмигрантских изданиях, когда как в эмигрантских цель звучит не так вятно.

На протяжении всей книги Бунин эксплуатирует метафору «Восток — могила».¹ В очерке «Тень Птицы»: «в этой стране руин и кладбищ» (ХС 1917, 45). В очерке «Море богов»: «Египет — могила в пустыне...» (ХС 1917, 80). В очерке «Иудея»: «На Сионе за гробницей Давида видел я провалившуюся могилу, густо заросшую маком. Вся Иудея — как эта могила» [ХС 1917, 123]. Эта метафора присутствует в каждом очерке и во всех вариантах текста. Но такому пониманию Турции и Востока как чего-то мертвого, могильного и ветхозаветного противостоит исключенный в последующих редакциях фрагмент описания Галаты (район Стамбула):

Но жизнь не терпит покоя. <...> Галату, сердце этой лаборатории, часто называют помойной ямой Европы, Галату сравнивают с Содомом. Но Галата не погибнет: сброд, населяющий ее, кипит в работе. Он нищ и бешено жаждет жизни. Сам того не сознавая, он созидает новую вавилонскую башню — и не боится смешения языков: в Галате уже нарождается новый язык — язык труда, нарождается беспримерная терпимость ко всем языкам, ко всем обычаям, ко всем верам.

Грудами пчелиных сотов — уступами многоэтажных узких домов покрывают Галата. <...> Эти соты сверху до низу набиты семьями армян, евреев, греков, франков, всю жизнь проводящих в порту или на улицах, в работе и торговле. И только в домах Галаты

Не то Галата. Недаром Галату называют помойной ямой Европы, сравнивают с Вавилоном, Содомом.

Среди несметных каиков, стоящих возле потемневших от воды и времени деревянных свай, я выхожу вслед за Герасимом на Галатскую набережную, отдаю паспорт турецкому чиновнику, сидящему в сарае таможи, и вступаю в Галату в тот час, когда замирают призывы муэззинов, день по закону Ислама кончается и лавки должны запираются.

Но какое дело до изана Галате! (ХС 1936, 182–183)

¹ Подробнее об этом см.: *Щавлинский М. С.* «Храм Солнца» И. А. Бунина и «Сирийские рассказы» С. С. Кондурушкина: Точки пересечения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023 (в печати).

существует то, чего нет нигде в мире: бывает, что четверть дома принадлежит армянину, четверть — греку, четверть румыну, четверть — человеку совершенно неизвестного происхождения. В кофейнях, в парикмахерских, в конторах, в магазинах зачастую висят рядом портреты властителей всех стран земли — и ни к одному-то из этих властителей Галата и Пера не чувствуют ни даже малейшего почтения! Можно быть монархистом, анархистом, республиканцем — до этого в Галате нет никому никакого дела... Можно быть язычником, христианином, поклонником дьявола или Пророка — это тоже никого не касается... И дружно, чуть не на всех языках и наречиях Европы и Азии пишет свои вывески Галата! По ее покатым, узким улицам и переулкам, по каменным уступам, отшлифованным мириадами ног, среди ослов, собак, аргамаков и вагонов конки, движется единственный во вселенной маскарад. И никого-то и ничем не удивишь на этом маскараде: ни белой кафией араба, ни черным атласом цилиндра, ни золотом каски, ни даже наготой негра, которую кто-то так хорошо назвал эбеновой! <...>

Но какое дело до изана Галате!
(ХС 1917, 52–53)

Галата сравнивается с пчелиным ульем, где кипит жизнь, кипит работа. Она понимается как прогрессивное место (подходящее космополиту-рассказчику), где не только стираются все культурно-политические маркеры, но и создается новый язык. В дореволюционных изданиях прогрессивность Галаты подчеркивается также наличием скрытого сравнения: в Константинополе «Тень Аллаха, как и всякая тень, так боится света, что не допускает в Константинополе электричества» (ХС 1917, 50),

тогда как в Галате: «лучи электрических солнц <...> легко и таинственно скользят по Галате, по Пере, по набережной и по рейду» (ХС 1917, 54). Здесь же в Галате ощущается полная свобода: «И когда в этот зной врывается свежее дыхание ночи и моря, я пьянею от сладкого сознания, что и я в этом новом Содоме и свободен так, как может быть свободен только человек в Галате» (ХС 1917, 54). Постулирование свободы и «электрическое» сравнение исключены в последующих редакциях.

Галата воспринимается как прогрессивное место, устремленное в будущее, общество труда, тотальной терпимости и новой этики (безразличия к инаковости). В своих оценках повествователь идет ещё дальше и строит настоящий футурологический прогноз (эпизод очень редкий и не свойственный для художественной прозы Бунина):

Восточный поэт сказал бы, что здесь пала тень птицы Хумай. / Много раз меркла эта тень. Но за обладание местом, где пала она, лились реки крови. И раздоры и пророчества о будущем этого места, не смолкают и донныне. / Я думаю о нем, как о великом космополитическом царстве будущего. / Царства древние, созидавшиеся на костях и рабстве, земля уже много раз пожирала со всеми их богатствами, как легендарного Каруна. Великую, свободную семью, которая в будущем займет место свирепого византийского и султанского деспотизма, земля пощадит. <...> / Но Восток — царство солнца. Востоку принадлежит будущее (ХС 1917, 68–69).

В эмигрантских изданиях понимание Востока как будущего исключается Буниным, остается только Восток как прошлое и вечное. В связи с этим интерпретация, где Восток в травелогe Бунина прочитывался бы из суперпозиции, (одновременно и могила, и царство будущего) отсутствует в буниноведческих исследованиях.

Здесь же, в Стамбуле, демонстрируя читателю «подлинную Турцию», Бунин описывает ритуалы дервишей, их экстатические танцы. Сектанский экстаз здесь воспринимается Буниным как непрерывная традиция вихря:

От древнейших хороводов, знаменовавших сперва вихрь планеты вокруг солнца, а потом вихрь миров вокруг Творца, идут и вихри дервишей. От экстаза «отрешения» суфи идет экстаз, которому предаются Ревущие и Кружащиеся дервиши и донныне (ХС 1917, 68–69).

«Подлинность» подчеркивается и знанием рассказчика о том, что в «Константинополе большинство из них [дервишей] — плуты и актеры, холодно доводящие себя до головокружения... как современные поэты» (ХС 1917, 68–69). Достается и современным русским поэтам-символистам, по мнению Бунина, явно «неправильно» увлеченных экстатическими практиками.¹ Однако «подлинными» дервиши — носители той древней традиции, которую они смогли, оберегая, пронести сквозь века, именно к таким поэтам хочет причислить себя рассказчик² и именно с такими готов строить проект будущего:

Но когда-то были иные дервиши.

Они по праву носили имена поэтов, святых, созерцателей. И были они вне узаконенных религий, вне государств, вне обществ.

И мне хочется сказать:

Братья-дервиши, я не ищущу отрешения от видимого мира. Может быть, искажая ваше слово, я говорю, что ищущу «опьянения» в созерцании земли, в любви к ней и в свободе, к которой призываю и вас пред лицом этого бессмертного, великого, в будущем — общечеловеческого города. Будем служить людям земли и Богу вселенной, — Богу, которого я называю Красотою, Разумом, Любовью, Жизнью и который проникает все сущее.

И пребудем в любви к жизни и в веселии (ХС 1917, 68–69).

Эти фрагменты опять же исключены в эмигрантских изданиях.

* * *

В статье мы стремились показать, насколько сильно отличаются варианты текста доэмигрантских изданий (1915 и 1917) от эмигрантских (1931 и 1936). Эта разность сильно отразилась на поэтике: исключение почти всего национального дискурса; исключение понимания Востока

¹ См. подробнее: *Анисимов К. В.* Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 183–210.

² Это, но в негативном ключе, подмечает современник Бунина А. Бурнакин: «...с некоторых пор, он, Бунин — восхищенный дервиш, чалмоносный богоискатель, минаретная сомнамбула! Странное превращение, неожиданный удел» (*Бурнакин А.* Литературные заметки. С. 4).

через метафору будущего; значительно исключение описания дервишей как носителей традиции и представителя того типа поэта будущего, которому сам рассказчик хочет принадлежать; исключение описаний Галаты как нового городского центра, несущего в себе современное и прогрессивное начала — всё это было исключено и закрепило прочтение текста только через метафору прошлого «Восток — могила».

Последовавшее «отчуждение» доэмигрантских изданий (за счет переизданий только одного варианта текста) и редкое обращение к ним в рамках исследовательских работ о «Храме Солнца» в советском и постсоветском литературоведении закрепило подобные интерпретационные стратегии. И если для эмигрантских изданий данные интерпретации верны, то они никак не отображают читательские практики доэмигрантских изданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимов К. В.* «Итинерарий жизни». Восточные травелоги И. А. Бунина: специфика авторского сознания и нарратива // Россия — Италия — Германия: литература путешествий: коллектив. моногр. Томск, 2013. С. 466–484.
2. *Анисимов К. В.* «Литературность» травелога: границы родины и границы жанра (мотив отплытия из России у Бунина, Гумилева и других) // Филологический вестник сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 81–97.
3. *Анисимов К. В., Пономарев Е. Р.* Книга очерков И. А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. В печати.
4. *Анисимов К. В., Пономарев Е. Р.* Текстология и имагология. Как мелкая правка травелога «Храм Солнца» меняла бунинскую концепцию Ближнего Востока: от описания к представлению // Имагология и компаративистика. В печати.
5. *Анисимов К. В., Щавлинский М. С.* Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. С. 183–210.
6. *Голыцына Т. Н.* Текстовые особенности ориентальных рассказов И. А. Бунина // И. А. Бунин и русская культура XIX–XX веков. Те-

- зисы международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения писателя. Воронеж, 1995. С. 82–83.
7. *Гольдин С. Л.* Антиколониаторская тема в творчестве И. А. Бунина // Ученые записки Орехово-Зуевского пед. ин-та. Орехово-Зуево, 1964. Т. 21. Кафедра русской и зарубежной литературы. Вып. 4. С. 3–20.
 8. *Килганова Г. В.* Ориентализм в прозе И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 17 с.
 9. *Латухина А. Л.* Цикл «путевых поэм» И. А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2004. 22 с.
 10. *Лишова Н. И.* Ориентализм в творчестве писателей серебряного века (на материале произведений И. А. Бунина и М. М. Пришвина) // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 1(18). С. 30–33.
 11. *Пономарев Е. Р.* «Храм солнца» или «Тень птицы»? Поэтика «путевых поэм» И. А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.
 12. *Пращерук Н. В.* Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. 253 с.
 13. *Щавлинский М. С.* «Храм Солнца» И. А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // Иван Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / ред. — сост. Т. М. Двигятина, С. Н. Морозов. М., 2021. С. 934–952. (Академический Бунин; вып. 3)
 14. *Щавлинский М. С.* «Храм Солнца» И. А. Бунина и «Сирийские рассказы» С. С. Кондурушкина: точки пересечения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. В печати.
 15. *Щавлинский М. С.* Библиография рецензий и научных работ о книге И. А. Бунина «Храм Солнца / Тень Птицы» // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М., 2021. С. 968–1001. (Академический Бунин; вып. 3).
 16. *Щавлинский М. С.* История публикации книги И. А. Бунина «Храм Солнца» // Сб. науч. ст. по результатам международной научной конференции «Бунинские чтения» (Елец, 20–21 октября 2022 г.). Елец, 2022. С. 106–113.
 17. *Grob T.* Orientalismus jenseits des Nationalen. Ivan Bunins Reiseerzählungen als Spur imperialer Raumerfahrung // Susi. K. Frank (Hg): Erzählte Mobilität im östlichen Europa. Tübingen, 2014. S. 222–243.
 18. *Kislova L. S., Ertner D. E.* The Revival of the Genre: Key Trends in the Contemporary Travelogue Development // Филологический класс. 2019. № 3(57). С. 127–133.

19. *Shagayeva Z. A.* Bunins Pilgrimage in countries of the east: traveling as a basis for the formation of religious and philosophical views of the writer // The First European International conference on collaboration in academic researches between Kazakhstan and European countries. Vienna, 2015. P. 32–37.

REFERENCES

1. *Anisimov K. V.* «Itinerarii zhizni». Vostochnye travelogi I. A. Bunina: spetsifika avtorskogo soznaniia i narrative. Rossiia — Italiia — Germaniia: literatura puteshestvii: kolektiv. monogr. Tomsk, 2013. S. 466–484. (In Russ.)
2. *Anisimov K. V.* «Literaturnost'» traveloga: granitsy rodiny i granitsy zhanra (motiv otplytiia iz Rossii u Bunina, Gumileva i drugikh). Filologicheskii vestnik surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. №4. S. 81–97. (In Russ.)
3. *Anisimov K. V., Ponomarev E. R.* Kniga ocherkov I. A. Bunina «Khram Solntsa»: Istoriia teksta. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. In print. (In Russ.)
4. *Anisimov K. V., Ponomarev E. R.* Tekstologiya i imagologiya. Kak melkaia pravka traveloga «Khram Solntsa» meniala buninskiu kontsepsiui Blizhnego Vostoka: ot opisaniia k predstavleniiu. Imagologiya i komparativistika. In print. (In Russ.)
5. *Anisimov K. V., Shavlinsky M. S.* Istoriko-literaturnyi kontekst buninskogo traveloga «Khram Solntsa». Na fone kogo Bunin «vyshe v genii»? Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2022. S. 183–210. (In Russ.)
6. *Gol'din S. L.* Antikolonizatorskaia tema v tvorchestve I. A. Bunina. Uchenye zapiski Orekhovo-Zuevskogo ped. in-ta. Orekhovo-Zuevo, 1964. Vol. 21. Kafedra russkoi i zarubezhnoi literatury. Issue 4. S. 3–20. (In Russ.)
7. *Golitsyna T. N.* Tekstovye osobennosti oriental'nykh rasskazov I. A. Bunina. I. A. Bunin i russkaia kul'tura XIX–XX vekov. Tezisy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 125-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel'ia. Voronezh, 1995. S. 82–83. (In Russ.)
8. *Grob T.* Orientalismus jenseits des Nationalen. Ivan Bunin Reiseerzählungen als Spur imperialer Raumerfahrung // Susi. K. Frank (Hg): Erzählte Mobilität im östlichen Europa. Tübingen, 2014. P. 222–243.
9. *Kilganova G. V.* Orientalizm v proze I. A. Bunina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Mosk. gos. ped. un-t im. V. I. Lenina. M., 1997. (In Russ.)

10. *Kislova L. S., Ertner D. E.* The Revival of the Genre: Key Trends in the Contemporary Travelogue Development // *Filologicheskij klass*. 2019. № 3 (57). S. 127–133.
11. *Latukhina A. L.* Tsikl «putevykh poem» I. A. Bunina «Ten' ptitsy»: problema zhanra: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. N. Novgorod, 2004. (In Russ.)
12. *Lishova N. I.* Orientalizm v tvorchestve pisatelei serebrianoogo veka (na materiale proizvedenii I. A. Bunina i M. M. Prishvina). *Evraziiskii Soiuz Uchenykh (ESU)*. 2015. № 1(18). S. 30–33. (In Russ.)
13. *Ponomarev E. R.* «Khram solntsa» ili «Ten' ptitsy»? Poetika «putevykh poem» I. A. Bunina // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2021. № 69. S. 298–320. (In Russ.)
14. *Prashcheruk N. V.* Khudozhestvennyi mir prozy I. A. Bunina: iazyk prostranstva. Ekaterinburg, 1999. (In Russ.)
15. *Shagayeva Z. A.* Bunins Pilgrimage in countries of the east: traveling as a basis for the formation of religious and philosophical views of the writer // *The First European International conference on collaboration in academic researches between Kazakhstan and European countries*. Vienna, 2015. P. 32–37.
16. *Shavlinsky M. S.* «Khram Solntsa» I. A. Bunina — neokonchennyi proekt osvoeniia Vostoka. Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva. M., 2021. S. 934–952. (In Russ.)
17. *Shavlinsky M. S.* «Khram Solntsa» I. A. Bunina i «Siriiskie rasskazy» S. S. Kondurushkina: tochki peresecheniia // *Vestn. Mosk. un-ta*. Ser. 9. *Filologiya*. 2023. In Print. (In Russ.)
18. *Shavlinsky M. S.* Bibliografiia retsenzii i nauchnykh rabot o knige I. A. Bunina «Khram Solntsa / Ten' Ptitsy». Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva, ed. T. M. Dviniatina, S. N. Morozov. M., 2021. S. 968–1001. (*Akademicheskii Bunin*, Issue. 3). (In Russ.)
19. *Shavlinsky M. S.* Istoriia publikatsii knigi I. A. Bunina «Khram Solntsa» // *Sb. nauch. st. po rezul'tatam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Buninskie chteniia» (Elets, 20–21 october 2022)*. Elets, 2022. S. 106–113. (In Russ.)